

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 176–182
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(4):176–182

Политология и этнополитика

Научная статья
УДК 32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-176-182>

EDN GRLDYJ

К вопросу об опасности радикальных идеологических доктрин в условиях мировоззренческого противостояния между «коллективным Западом» и Россией

Олег Олегович Антименко

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия, oo-antimenko@mail.ru

Аннотация. Последнее десятилетие XX и первые десятилетия XXI века в зарубежном, а под его влиянием во многом и в отечественном научном дискурсе прошли под знаком «конца» – истории, модерна, а также связанных с ними идеологий. Провозглашалось, что возникшие в определенную историческую эпоху глобальные идеологии право-лево-центристского толка от марксизма до либерализма утратили свое значение и свою способность к мобилизации масс. Их место в постсовременной, постидеологической реальности заняли отдельные «молекулярные» идеологии «политики идентичности» и «политики действия». Однако события последних двух десятилетий (и особенно специальная военная операция), наглядно продемонстрировали значение и значимость идеологии в качестве фактора, оказывающего существенное влияние на формирование, функционирование, стабильность или дестабилизацию социальных систем. При этом современные западные общества, поставившие «движения идентичности» и «движения действия» во главу социально-политической жизни столкнулись с лавинообразным нарастанием проблем и, в первую очередь, резким увеличением количества радикальных идеологических групп и течений и связанных с ними акций насильственного характера, все более профессиональных, изоциренных и жестоких. В статье предпринимается попытка обозначить возможные перспективные подходы к исследованию причин и глубинных механизмов этого явления, а также указывается на то, что отказ от государственной идеологии в качестве обязательной не обязательно означает отказ от идеологии, как от системы базирующихся на фундаментальных базовых ценностях идей, при помощи которых могут быть установлены, объяснены и обоснованы долгосрочные политические цели и средства их достижения как на внутреннем, так и на внешнем треке.

Ключевые слова: идеология, радикальные идеологии, фрустрации, аверсивные стимулы, новая идеология, российское государство-цивилизация

Для цитирования: Антименко О. О. К вопросу об опасности радикальных идеологических доктрин в условиях мировоззренческого противостояния между «коллективным Западом» и Россией // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 176–182. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-176-182>. EDN GRLDYJ

On the issue of the danger of radical ideological doctrines in the conditions of ideological confrontation between the “collective West” and Russia

Oleg O. Antimenko

South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, oo-antimenko@mail.ru

Abstract. The last decade of the twentieth century and the first decades of the XXI century in foreign, and under its influence in many ways in the domestic scientific discourse, were marked by the "end" of history, modernity, as well as related ideologies. It was proclaimed that the global ideologies of the right-left-centrist type that arose in a certain historical epoch, from Marxism to liberalism, had lost their significance and their ability to mobilize the masses. Their place in the postmodern, post-ideological reality has been taken by separate "molecular" ideologies of "identity politics" and "action politics". However, the events of the last two decades (and especially the special military operation) have clearly demonstrated the importance and significance of ideology as a factor that has a significant impact on the formation, functioning, stability or destabilization of social systems. At the same time, modern Western societies, which have put "identity movements" and "action movements" at the forefront of socio-political life, have faced an avalanche of problems and, first of all, a sharp increase in the number of radical ideological groups and movements and related violent actions, increasingly professional, sophisticated and cruel. The article attempts to identify possible promising approaches to the study of the causes and underlying mechanisms of this phenomenon, and also points out that the rejection of the state as a mandatory ideology does not necessarily mean the rejection of ideology as a system of ideas based on fundamental basic values, with the help of which long-term political goals can be established, explained and justified goals and means to achieve them both on the internal and external track. **Keywords:** ideology, radical ideologies, frustrations, aversive incentives, new ideology, Russian state-civilization

For citation: Antimenko O. O. On the issue of the danger of radical ideological doctrines in the conditions of ideological confrontation between the “collective West” and Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(4):176–182. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-176-182>. EDN GRLDYJ

Введение

Последнее десятилетие XX и первые десятилетия XXI века в зарубежном, а под его влиянием во многом и в отечественном научном дискурсе прошли под знаком «конца» – истории, модерна, а также связанных с ними идеологий. Провозглашалось, что возникшие в определенную историческую эпоху глобальные идеологии право-лево-центристского толка от марксизма до либерализма утратили свое значение и свою способность к мобилизации масс. Их место в постсовременной, постидеологической реальности заняли отдельные «молекулярные» идеологии «политики идентичности» и «политики действия» [1].

Однако события последних двух десятилетий (и особенно специальная военная операция (СВО)), наглядно продемонстрировали значение и значимость идеологии в качестве фактора, оказывающего существенное влияние на формирование, функционирование, стабильность или дестабилизацию социальных систем, поскольку, начиная фактически с мюнхенской речи Президента России В. В. Путина, речь шла о нарастании глобального мировоззренческого противостояния между «коллективным Западом» и Россией, как самобытным государством-цивилизаций (а еще шире – между концепциями однополярного и многополярного мироустройства). Тем более, что трактовка феномена идеологии не обязательно должна сводиться к пониманию ее основоположниками марксизма как ложного сознания, утверждаемого экономически и политически господствующим классом с целью узаконить собственное главенствующее положение и укрепить социальное неравенство в обществе [2]. Или как инструмента легитимации существующего экономического и политического порядка, управления общественным сознанием [3].

Идеологию вполне обоснованно можно рассматривать и как средство социальной интеграции на базе ценностных установок, обеспечивающее устойчивое развитие общества и, кроме того, позволяющее испытывающему неуверенность в собственных силах индивиду удовлетворить стремление к упорядоченности и обрести защиту в некотором коллективном единстве [4]. И как способ систематизации получаемых в ходе интеллектуального и культурного становления в процессе социализации разрозненных идей, ценностей, убеждений, выработки теоретически обоснованных принципов общественной жизни [5]. И как мировоззренческий ориентир в борьбе за политическую и экономическую власть, дающего, особенно в условиях нестабильности, столь необходимое ощущение защищенности [6]. И как своего рода карту, благодаря которой мы можем ориентироваться в политической реальности, понимать, где мы находимся в настоящий момент и в каком направлении нам надлежит двигаться [7]. И как нематериальный фундамент, позволяющий согласовывать цели действий с вызвавшими их причинами [8].

Проблема радикализации в современной политике

Отсутствие такой карты политической реальности, основанной на базовых фундаментальных представлениях о том, чем является общество и каким ему надлежит быть, носит далекий от нейтрального характер, о чем наглядно свидетельствует положение дел и проблемы, с которыми столкнулись современные западные общества, поставившие «движения идентичности» и «движения действия» во главу социально-политической жизни. Речь идет о резком увеличении количества радикальных идеологических групп и течений и связанных с ними акций насильственного характера, все более профессиональных, изощренных и жестоких. Мы видим, как отдельные индивиды и целые сообщества, еще вчера провозглашавшие гуманизм, равенство всех и право каждого на сохранении собственной определенной идентичности, защиту достоинства и уважительное отношение к ним отношение, сегодня активно отрицают это право, ожесточенно навязывая другим собственные, чуждые им ценности и «отменяя» целые страны, народы и культуры.

Рост внутреннего варварства и «Закат Европы»?

Причины и глубинные механизмы этого явления, на наш взгляд, пока еще не нашли до конца убедительного отражения в отечественной и зарубежной научной литературе.

В определенной степени заслуживающий внимания подход С.И. Сулимов и Б.В. Васильев, взявших за основу концепции Д. Вико, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, О. Шпенглера с его знаменитым «Закатом Европы», А. Тойнби и других, рассматривавших историческое развитие через призму взаимодействия цивилизации и варварства, а также введенное в научный оборот Н.В. Мотрошиловой понятие внутреннего варварства.

В соответствии с этим подходом, мы говорим о цивилизации в тех случаях, когда социально-исторические факторы играют доминирующую роль в сравнении природно-биологическими, выражаясь, прежде всего через рационализацию труда, правосознание и стремление к комфорту. Но эти же самые факторы, приобретая со временем гипертрофированное значение, приводят к разложению социума. Рационализация жизни и стремление к комфорту порождают многочисленный слой только потребителей. Гипертрофированное правосознание парализует способность к принятию индивидами самостоятельных решений. И одновременно с упадком в качестве сопутствующего фактора происходит рост внутреннего варварства. То есть к появлению все большего количества индивидов, прекрасно знакомых с правовыми нормами и последними техническими достижениями, но утратившими духовную основу общественного единства.

Как следствие начинается и после цивилизационного надлома приобретает все более необратимый характер социальная дезинтеграция, порождающая радикальный индивидуализм, различного толка деструктивные контркультурные группы и движения, отвергающие традиционные ценности, дискредитирующие общепринятые нормы, разрушающие материальные и дискредитирующие материальные и культурные символы и превращающие общество в поле агрессивного противостояния, смывающего, в конечном итоге духовные, политические и правовые основы самой цивилизации. В качестве современного примера такого внутреннего варварства авторы приводят движение BLM («Black lives matter»).

Но каким бы интересными не были концептуальные положения данного подхода, ответ авторов на факторы и глубинные механизмы возрастающего градуса проявлений агрессии и радикализации движений, которые в ряде зарубежных работ принято относить к молекулярным идеологиям

или «идеологиям действия» представляется не до конца полным и убедительным. Фактически авторы в завуалированной форме в качестве ответа предлагают один из вариантов теории заговора, ситуативного негласного союза между афроамериканскими радикалами и либералами, осознавшими на рубеже 2000-х антиправительственный потенциал расовых реваншистских организаций. Последнее, в рамках сложившегося консенсуса, обеспечивают либералам электорат и устраивают гигантские провокации в адрес их оппонентов. Либералы финансируют реваншистов, попутно создавая им имидж борцов за свободу и новый лучший справедливый мир [9].

Фактор агрессии и его влияние на идеологические конструкции

Со своей стороны, не претендуя на исчерпывающий и бесспорный ответ, в данной статье мы предлагаем рассмотреть в качестве возможной (а также как перспективное направление дальнейших исследований) несколько иную альтернативу. И в качестве таковой мы предлагаем отвлечься от различных конкретных форм проявления девиантного поведения в тех или иных деструктивных и радикальных течениях. Тем более, что, как показывают современные события (как пример – по отторжению всего русского, включая высокую культуру и искусство, и самих русских на Западе), оно свойственно не только маргинальным группировкам, но и вполне уважаемым деятелям науки и искусства, а также еще недавно мирным и преисполненным толерантности и уважения к другим представителям творческой интеллигенции и среднего класса. Иными словами, мы предлагаем сместить фокус внимания на агрессию, как на фактор, не просто значимый, но и оказывающий значительное влияние на поведение индивидов и социальных групп вне зависимости от изначальной степени их внутреннего варварства («варваризация», как показывают история, происходит достаточно быстро и зачастую необратимо во времена любой сколько-нибудь значимой социальной, политической, экономической нестабильности, не обязательно свидетельствующих о «закате дряхлеющих и умирающих» цивилизаций).

Для целей данной работы мы не будем опираться на получившие широкое распространение, но также и подвергшиеся критике со стороны не менее авторитетных исследователей концепции З. Фрейда или К. Лоренца. В конце концов, в нашем случае не столь важно, что лежит в глубинных основаниях этого явления: инстинкт, которому отведена важная роль в Великом Парламенте инстинктов, как полагал выдающийся австрийский ученый, основатель этологии и нобелевский лауреат Лоренц [10]. Или же инстинкту жизни противостоит не менее мощная инстинктивная сила – поиск смерти, как утверждал основатель психоанализа Фрейд [11]. Достаточно того, что всеми психологами признается «неоспоримое существование агрессии как важного аспекта человеческого поведения» [12, с. 148]. И как таковая (в данном случае речь идет о рабочей гипотезе) она является не чем-то привходящим, характерным только для отдельных идеологических групп и ответвлений, а внутренним, изначально и перманентно заложенным в их идеологическую конструкцию. Это позволит при оценке или характеристике той или иной радикальной идеологической доктрины не просто анализировать ее цели, ценности и установки, но и практически прогнозировать когда, при каких условиях проявится агрессивный фактор и в каких действиях идеологически маркированных акторов он найдет свое выражение.

Существует много факторов, порождающих деструктивное поведение, все они находятся в сложной взаимосвязи и разбор каждого из них и всех их в совокупности занял бы куда больше отведенного для одной статьи места. Поэтому мы остановимся только на двух из них, наиболее наглядно, на наш взгляд, проявляющихся в «молекулярных» идеологических течениях, особенно активно заявивших о себе в последние несколько десятилетий в Европе и США.

Прежде всего речь идет о фрустрации, которая тем сильнее, чем ближе казалось достижение желаемой цели и чем сильнее было предвосхищаемое удовлетворение от ее достижения, особенно если внешние факты давали ощущение приближения к ней. В состоянии фрустрации могут одновременно находиться не только отдельный индивид, но и значительные социальные группы. Соответственно, чем более интенсивной окажется фрустрация, чем более она будет усиливаться за счет циркуляции эмоций внутри определенной общности, тем большим будет стимул к деструктивной реакции вовне, особенно если в наличии окажется реальный или назначенный таковым (групповым авторитетом или посредством политических и идеологических манипуляций), но четко определенный фрустратор, действия которого расцениваются как внутренне детерминированные, сознательные и незаслуженные по отношению к группе или индивидам ее составляющим (белый гетерогенный мужчина, производители и потребители нефти, русские, христиане, мусульмане, иммигранты и т.п.).

Не меньшую роль в современных условиях западных сообществ, когда «возделанный сад Бореля» все больше превращается в джунгли, некогда процветающие европейские столицы заполняются инокультурными анклавами, происходит резкое сокращение социальных обязательств и социальных гарантий еще недавно предоставляемых «обществом всеобщего благоденствия», рушатся традиционные социальные связи, культурные, семейные и религиозные основы (список можно продолжать до бесконечности) начинают играть аверсивные стимулы. Фактически речь идет об огромном количестве постоянно усугубляющихся негативных событий, порождающих социальный стресс, социальное беспокойство и социальное напряжение.

В этой ситуации врожденная реакция у людей (к слову, как и у большинства высших животных) на дистресс – бежать или атаковать доступную в данный момент жертву, даже если она не сделала ничего плохого, чтобы спровоцировать нападение. Собственное страдание усиливает желание причинить ущерб. И чем сильнее переживаемое неудовольствие, тем сильнее будет результирующее подстрекательство к агрессии.

В таких условиях индивиды и социальные группы, подвергшиеся аверсивной стимуляции, проявляют тенденцию направлять враждебность на случайные объекты, для обвинения которых в собственных неприятных переживаниях нет никаких оснований, но которых проще и понятнее обвинить в испытываемом дискомфорте (особенно если на них постоянно указывают с высоких трибун и через масс-медиа). В результате – те, кто получил в глазах окружающих негативное значение, могут с большей легкостью выступить в роли объекта аверсивно генерированной агрессии (в том числе и смещенной – феномен «козла отпущения», когда невиновный индивид или целая группа становятся жертвой враждебности, проистекающей из другого источника). За неимением возможности атаковать реальную причину дискомфорта происходит разрядка на ком-то другом, особенно если индивид или группа кажутся безопасными с точки зрения возможных последствий, наделены негативным значением и прочно ассоциируются с неблагоприятным положением дел. Тем более, что социальные общности в период нестабильности склонны развиваться в направлении снижения порога, за которым перестают действовать «сдержки и противовесы» – отменять наказания и вводить поощрение за нарушение норм социального поведения, когда речь идет о «чужих». А при условии предварительного расчеловечивания жертвы, делая такое отношение к отдельным «избранным» социальным группам не только социально приемлемым и одобряемым, но и ожидаемым и даже предпочтительным.

Еще одна опасность заключается в том, что враждебные установки приводят к нежеланию иметь что-то общее с тем, кто назначен виновным и невозможности получения смягчающей или благоприятной информации о нем, что не просто придает враждебным установкам дополнительную устойчивость, но и может усиливать и заострять отрицательное мнение с течением времени, сохраняя и усиливая негативное отношение.

Заключение

Несмотря на значительную консолидацию российского общества после начала СВО на основе патриотизма и единства культурных и исторических ценностей, утверждать, что опасность появления и проявления деструктивных и радикальных идеологий, особенно в молодежной среде, полностью устранена было неправильно, о чем, в том числе, свидетельствует и значительное количество публикаций в научных изданиях [13 - 19] и др.

Согласно 13 статье Конституции Российской Федерации, никакая идеология не может устанавливаться в нашей стране в качестве государственной или обязательной. Но значит ли это отказ от любой идеологии вообще (в конце концов, отсутствие идеологии – это тоже своего рода идеологический подход)? На наш взгляд, нет. Тем более, что это и невозможно. Как справедливо отмечает Б. Гудвин, мы усваиваем идеи и ценности иногда даже не осознавая, что они – часть определенной и сформулированной доктрины. И даже если мы не относим себя к приверженцам какой-то одной идеологии, наши убеждения так или иначе идеологически обусловлены [20]. Однако в условиях переживаемой сегодня крайней степени волатильности и флуктуации не только отдельных идеологических конструктов, но и всей системы мирового устройства, необходимо самое пристальное внимание обратить не только на базовые ценности, определяющие российское государство-цивилизацию и скрепляющий их культурный код, но и на такой сугубо инструментальный аспект, как идеология. Или, опираясь на определение Мартина Селиджера, на выработку системы базирующихся на фундаментальных базовых ценностях идей, при помощи которых могут быть установлены, объяснены и обоснованы долгосрочные политические цели и средства их достижения как на внутреннем, так и на внешнем треке [21]. Идеологии, направленной не на нанесение противнику прямого или косвенного

ущерба, а на достижение позитивной цели более совершенного мироустройства и социальных отношений.

Именно такие принципы четко сформулировал В.В. Путин в своем выступлении на заседании дискуссионного клуба Валдай¹:

- открытость к взаимодействию, устранение искусственных барьеров;
- единство в многообразии, не допускающее признание модели одной страны или одной незначительной части человечества за универсальный принцип и неоспоримую истину;
- максимальная представительность всех заинтересованных групп и сторон;
- безопасность для всех без исключения, невозможность построения безопасности для одних за счет других;
- дух уважения и учета интересов;
- справедливость для всех;
- суверенное равенство.

И роль России в выработке такой идеологии – гарантия сохранения многообразия, сложности и успешного развития не только нашей страны, но и всего мирового сообщества.

Список источников

1. Шварцмантель Д. Идеология и политика. Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2009. – 312 с.
2. Маркс, К., Энгельс, Ф. Немецкая идеология. Москва: Политиздат, 1988. – 574 с.
3. Альтюссер, Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). С. 159–175.
4. Парето, В. Компендиум по общей социологии. Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 511 с.
5. Манхейм, К. Избранное. Диагноз нашего времени. Москва: Юрист, 1994. – 700 с.
6. Geertz, C. The Interpretation of Cultures. Selected Essays. New York: Basic Books, 1973. – 479 p.
7. Scarbrough, E. Political Ideology and Voting. An Exploratory Study. Oxford: Clarendon Press, 1984. – 257 p.
8. Cohen, A. The Symbolic Construction of Community. London: Routledge. 1985. – 128 p.
9. Сулимов, С.И., Васильев, Б.В. Внутреннее варварство, как социально-философская проблема современности. *Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология*. 2024; 40 (1): 121 – 131
10. Лоренц, К. Так называемое «зло» // Лоренц, К., Берковиц, Л. Почему мы убиваем? Злость, ненависть, агрессия и так называемое «зло». М.: Алгоритм, 2022. – 576 с.
11. Фрейд, З. По ту сторону принципа наслаждения // Фрейд, З. «Я» и «Оно». Труды разных лет в 2-х кн., кн. 1. Тбилиси: «Мерани», 1991. – 397 с.
12. Берковиц, Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. – 512 с.
13. Маздогова, З.З., Марьина, Н.Н. Современные технологии распространения радикальных деструктивных настроений среди молодежи // *Международный научный вестник*. 2024. № 8. С. 51–53.
14. Мешев, И.Х. Экстремизм в молодежной среде: причины возникновения и пути противодействия // *Международный научный вестник*. 2024. № 9. С. 15–19.
15. Кабанов Р.М. Понятие и специфика экстремизма в современной России // *Государственная служба и кадры*. 2024. № 3. С. 28–31.
16. Прама Р.В. Факторы проявления и меры упреждения экстремизма среди российской молодежи // *Власть*. 2024. № 1. С. 35–41.
17. Самойлов С.Ф. Характерные черты и основные виды экстремистской деятельности // *Общество и право*. 2024. № 1 (87). С. 71–74.
18. Чимаров С.Ю., Алексеев А.А. Онлайн-радикализация как социальное явление чрезвычайной ситуации криминального характера и некоторые пути борьбы с экстремизмом // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2024. № 4. С. 78–82.
19. Шебанец Е.Ю., Паатова М.Э., Демкина Е.В. Теоретический анализ современной экстремистской преступности в подростково-молодежной среде // *Вестник АГУ, серия «Педагогика и психология»*. 2024. № 1(333). С. 27–34.
20. Goodwin, B. Using Political Ideas. Chichester; New York: Wiley, 1997. – 407 p.
21. Seliger Martin. Ideology and Politics. London: Routledge, 2019. – 354 p.

¹ Заседание дискуссионного клуба «Валдай». 2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75521>.

References

1. Schwartzmantel D. *Ideology and politics*. Kharkiv: Publishing house of the Humanitarian Center; 2009. 312 p. (In Russ.).
2. Marx K., Engels F. *German ideology*. Moscow: Politizdat; 1988. 574 p. (In Russ.).
3. Althusser L. Ideology and ideological apparatuses of the state (notes for research). *Inviolable reserve*. 2011;3(77):159–175. (In Russ.).
4. Pareto V. *Compendium on General Sociology*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2008. 511 p. (In Russ.).
5. Manheim K. *Favorites. The diagnosis of our time*. Moscow: Yurist; 1994. 700 p. (In Russ.).
6. Geertz C. *The Interpretation of Cultures. Selected Essays*. New York: Basic Books; 1973. 479 p.
7. Scarbrough E. *Political Ideology and Voting. An Exploratory Study*. Oxford: Clarendon Press; 1984. 257 p.
8. Cohen A. *The Symbolic Construction of Community*. London: Routledge; 1985. 128 p.
9. Sulimov S.I., Vasiliev B.V. Internal barbarism as a socio-philosophical problem of modernity. *Bulletin of St. Petersburg State University. Philosophy and conflictology*. 2024;40(1):121–131. (In Russ.).
10. Lorenz K. The so-called "evil". In: Lorenz, K., Berkowitz, L. *Why do we kill? Anger, hatred, aggression and the so-called "evil"*. Moscow: Algorithm; 2022. 576 p. (In Russ.).
11. Freud Z. Beyond the pleasure principle. In: Freud Z. *"I" and "It". Works of different years in 2 books, book 1*. Tbilisi: "Merani"; 1991. 397 p. (In Russ.).
12. Berkowitz L. *Aggression: causes, consequences and control*. St. Petersburg: Prime-Euroznak; 2001. 512 p. (In Russ.).
13. Mazdogova Z.Z., Maryina N.N. Modern technologies of spreading radical destructive moods among young people. *International Scientific Bulletin*. 2024;(8):51–53. (In Russ.).
14. Meshev I.H. Extremism in the youth environment: causes and ways of countering. In: *International Scientific Bulletin*. 2024;(9):15–19. (In Russ.).
15. Kabanov R. M. The concept and specificity of extremism in modern Russia. *Public service and personnel*. 2024;(3):28–31. (In Russ.).
16. Prama R.V. Factors of manifestation and measures of prevention of extremism among Russian youth. *Vlast'*. 2024;(1):35–41. (In Russ.).
17. Samoilo S.F. Characteristic features and main types of extremist activity. *Society and law*. 2024;1(87):71–74. (In Russ.).
18. Chimarov S.Yu., Alekseev A.A. Online radicalization as a social phenomenon of a criminal emergency and some ways to combat extremism. *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2024;(4):78–82. (In Russ.).
19. Shebanets E.Yu., Paatova M.E., Demkina E.V. Theoretical analysis of modern extremist crime in the adolescent and youth environment. *Bulletin of the Adyge State University, series "Pedagogy and Psychology"*. 2024;1(333):27–34. (In Russ.).
20. Goodwin B. *Using Political Ideas*. Chichester; New York: Wiley; 1997. 407 p. (In Russ.).
21. Seliger Martin. *Ideology and Politics*. London: Routledge; 2019. 354 p. (In Russ.).

Информация об авторе

О. О. Антименко – преподаватель кафедры философии и методология науки факультета политологии ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

O. O. Antimenko – Lecturer of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Political Science, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 13.10.2024; одобрена после рецензирования 14.11.2024; принята к публикации 16.11.2024.

The article was submitted 13.10.2024; approved after reviewing 14.11.2024; accepted for publication 16.11.2024.